

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 28 (197)

Июнь, 2024

Газета

Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

К 180-летию Андрея Александровича Титова

«Рисовал Н. Гарденин», или Что роднит ростовский дом А. А. Титова с домом М. А. Булгакова в Киеве?

Автором гравированных рисунков и планов в знаменитом труде А. А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда», увидевшем свет в 1885 г., был молодой и тогда неизвестный художник Николай Гарденин. Под некоторыми из изображений в книге так и значилось: «Рисовал Н. Гарденин» (ил. 1, 2). А вот имя «русского архитектора» Николая Николаевича Гарденина (1860 – не ранее 1925), прославившегося на рубеже XIX–XX веков многими приметными архитектурными сооружениями в Киеве и Киевской губернии, на Украине хорошо узнаваемо. Путь художника и архитектора к этой известности начался в Ростове, со знакомства с купцом-историком Андреем Александровичем Титовым (1844–1911). Следуя сегодня дорогами судьбы героя наших заметок, мы откроем немало интересных фактов в биографиях обоих – А. А. Титова и Н. Н. Гарденина. Но самое удивительное открытие нас ожидает в Киеве. Однако все по порядку...

Ил. 1. Вид села Шестакова Ростовского уезда. Рисунок Н. Н. Гарденина, литография С. Спасского. Из книги А. А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии...» (М., 1885)

Ил. 2. Вид села Порочья Рыбного Ростовского уезда. Рисунок Н. Н. Гарденина, литография С. Спасского. Из книги А. А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии...» (М., 1885)

Ростовский купец и начинающий архитектор познакомились в конце 1870-х гг., когда Гарденину не было и 20 лет. Студент архитектурного отделения Московского училища живописи, ваяния и зодчества в ту пору был близко дружен с другим замечательным москвичом – хранителем Политехнического музея, археологом Александром Ивановичем Кельсиевым (1846–1885). Обоим объединял страстный интерес к родной истории и памятникам древности, оба хорошо рисовали, Гарденин этим занимался профессионально. Их дружба приносила научные плоды: задачи музейной практики, археологические экспедиции в разные регионы России венчались зарисовками – научной фиксацией – множества артефактов.

Именно такой для А. И. Кельсиева оказалась поездка в Ярославскую губернию, осуществленная летом 1878 г. по заданию сразу двух научных объединений – Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московского археологического общества. Интересы предстоящей в Москве в 1879 г. всероссийской Антропологической выставки требовали предъявления широкой публике древних обитателей Ярославской и Ростовской земли – мерян. Именно тогда произошло знаменательное знакомство А. И. Кельсиева и А. А. Титова, открывшее последнему мир столичной науки и ее ярчайших представителей. Тогда же А. А. Титов познакомился и с Николаем Гардениным.

В лице московского студента-художника ростовский начинающий археолог нашел верного помощника в своих первых издательских проектах, многие из которых были связаны с обнаружением документальных памятников местной старины. Одной из первых стала книга «Дозорные и переписные книги города Ростова» (М., 1880), которую публикатор посвятил всем «любителям отечественной истории и археологии». В каждый экземпляр издания был вклеен «План города Ростова, составленный по чертежам начала XVIII века А. А. Титовым». На авторство исполнения чертежа указывает подпись: «Чертил Н. Гарденин» (ил. 3).

О работе Гарденина и Кельсиева над этим планом содержатся любопытные сведения в письме последнего к Титову от 27 октября 1879 г.: «Касательно Вашего плана скажу лишь, что труд оказался серьезнее, чем можно было предполагать. Приходится на малом чертеже соблюдать самые микроскопические подробности. Дня через два Вы получите кальку (провоощенную бумагу) раскрашенную, на которой необходимо верно написать названия церквей и улиц. Оригинальный планчик стоил большого труда, потому жалко подвергать его пересылке, и было бы очень тяжело чертить его два раза. Он будет очень хорош. По окончании я сверю его в архиве межевой канцелярии с древними оригиналами. Коля просит за этот план вместе с окончательной заготовкой его для камня – 10 р [рублей]. Об раскраске теперь трудно судить, потому что на деле в свое время будет виднее, сколько планов красить и многими ли красками ограничиться. Я думаю, что для простоты достаточно обозначить воду – синей, ров – зеленой и церкви – красной. Постройки жилые – оставить черными. Во всяком случае, раскраска не обойдется свыше 5–10 р [рублей]. Что в общей сложности обойдется на экземпляре [от] 2 до 3 копеек всего. Коля работает над ним ежедневно. Работа немного затягивается потому, что по вечерам работать невозможно. Домики выходят мельче булавочных головок» (Смирнов Я. Е. «Вы не изменяете себе и носите в груди воспламененное сердце...». Письма А. И. Кельсиева А. А. Титову (публикация, исследование, комментарии) // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2017. Вып. 22. С. 165).

Оригинал опубликованного в книге плана сохранился в архивном фонде «Ростовского кремля» (АР-169). Интересно, что и предложение Кельсиева раскрасить «планчик» в три краски также нашло претворение в жизнь: среди экземпляров этого издания в различных библиотечных хранилищах встречаются раскрашенные акварельными красками планы – в точности так, как задумывалось Кельсиевым.

Весной 1880 г. А. А. Титов уже активно дарил свое новое археографическое произве-

дение: 9 апреля книга адресуется в библиотеку Московского археологического общества (экземпляр в личной коллекции предпринимателя И. Н. Синюшкина), а 13 апреля ее обладателем становится граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918), известный историк и крупный коллекционер (экземпляр ИНИОН РАН). На фоне этих событий А. А. Титов впервые 12 мая 1880 г. посещает заседание Московского археологического общества в качестве его члена-корреспондента (с 5 февраля 1880 г.), выступает с сообщением о примечательном резном кресте из церкви Никольского погоста Ростовского уезда и дарит в общество рисунок этого редкого памятника. Нет сомнения, что автором изображения был Н. Н. Гарденин, и, вероятно, именно о нем шла речь в нижеследующем письме.

В корреспонденции от 22 апреля 1880 г. художника к А. А. Титову читаем: «Христос Воскресе. Дорогой Андрей Александрович! Я перед Вами очень виноват в том, что до сих пор не приготовил Вам Вашу картинку. Первое, я ее поздно достал от Елпидифора Васильевича (Барсова, общего знакомого и известного историка. – Я. С.), а главное то, что у нас уже начались экзамены. Первый экзамен был на Страстной неделе, так что я даже не говею нынешний год; еще будет экзамен на Фоминой в понедельник. Кончатся экзамены 28 мая, и тогда я свободен и в Вашем распоряжении. Картинку я Вашу скоро пришлю. Александр Иванович вам кланяется. Передайте наше общее поздравление Надежде Александровне (супруге Титова. – Я. С.).

Об Вашем докладе было напечатано в «Курьере» и «Русских ведомостях». Подробнее будет напечатано в «Московских [ведомостях]». Старых газет мы не могли найти. Благодарим вас за память. Остаюсь преданный Вам Коля Гарденин» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 558. Л. 1–1 об.).

А вот еще одно красноречивое свидетельство участия Николая Гарденина в научно-просве-

дательских делах А. А. Титова, которые имели далеко идущие последствия для будущего Ростовского кремля как выдающегося памятника истории и архитектуры, его сохранения для будущих поколений. 23 декабря 1880 г. А. И. Кельсиев писал А. А. Титову: «Вчера в заседании Археол[огического] общ[ества] с сожалением узнал от Барсова, что Вы не приедете к праздникам. Коля приготовил хорошие копии почти со всех Ваших старинных видов Ростова. Книжки тоже переплетены все и очень хорошо; как прикажете распорядиться с ними? Ждать Вашего приезда или выслать их в Ростов?» (Смирнов Я. Е. «Вы не изменяете себе... С. 183).

Речь шла об уникальных планах Ростовского кремля 1818 г. (в копиях начала 1830-х гг.), почти случайно обретенных А. А. Титовым, открытие которых положило начало процессу масштабного возрождения бывшей архиерейской резиденции и превращения ее в музей (Смирнов Я. Е. Находка А. А. Титова, сыгравшая счастливую роль в судьбе Ростовского кремля // Ростовская старина. 2024. № 27. С. 1–3). Эти гарденинские копии с планов кремля были представлены А. А. Титовым в Московское археологическое общество 18 февраля 1881 г., а их оригиналы (четыре из шести сохранившихся чертежей) по-прежнему хранятся в фондах «Ростовского кремля».

Н. Н. Гарденин в 1881 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и вплоть до ноября 1884 г., когда был взят на военную службу, продолжал тесно сотрудничать с А. А. Титовым и А. И. Кельсиевым. Об археологической экспедиции летом 1881 г. по заданию графа А. С. Уварова на юг России А. И. Кельсиев в своем отчете писал: «Мне сопутствовал и безотлучно находился при всех моих изысканиях в качестве товарища молодой художник, дворянин Н. Н. Гарденин, оказывавший мне непрерывно самое полезное содействие, будучи заинтересован лично задачами археологии».

Продолжение – на 2-й стр.

Ил. 3. План города Ростова, составленный по чертежам начала XVIII века А. А. Титовым. Чертеж Н. Н. Гарденина. Из книги А. А. Титова «Дозорные и переписные книги города Ростова» (М., 1880)

Ил. 4. Записка А. И. Кельсиева «Сведения о каменных бабах, потребные для Императорского Московского археологического общества». Рисунки Н. Н. Гарденина. 1881. ГМЗРК

К 180-летию Андрея Александровича Титова

«Рисовал Н. Гарденин», или Что роднит ростовский дом А. А. Титова с домом М. А. Булгакова в Киеве?

Продолжение. Начало – на 1-й стр.

Итогами этой важной научной поездки явились уникальные палеолитические находки в селе Костёнки Воронежской губернии и вывезенные в Москву знаменитые «каменные бабы», предназначавшиеся для создаваемого Российского исторического музея. 26 октября 1881 г. А. И. Кельсиев представил в Московском археологическом обществе соответствующую программу, а напечатанную вскоре записку под названием «Сведения о каменных

бабах, потребные для Императорского Московского археологического общества», разослали всем заинтересованным лицам и научным обществам. В Ростовском музее и в личном архиве А. А. Титова в ГАЯО хранится эта записка (ил. 4), а также изобразительные материалы к ней. Их исполнителем был Николай Гарденин.

На время начала 1880-х гг. пришелся взлет ростовской археологии. Когда 28 октября 1883 г. в возрожденной Белой палате состоялось торжество освящения музея, то на нем присутствовали оба москвича. Письма Кельсиева и Гарденина к Титову свидетельствуют о глубокой вовлеченности молодого архитектора в задачи отечественной археологии, душевном сочувствии ее интересам и на Ростовской земле. Гарденин оказался 7 декабря 1883 г. среди присутствовавших на заседании Московского археологического общества, где обсуждалась записка Кельсиева об основах деятельности Ростовского музея, и был немало раздосадован ее критикой со стороны старших коллег-археологов: «Грустно мне, что Кельсиеву записку приняли довольно холодно, нашли ее чересчур обширною и, между тем, сознавая, что это очень хорошо. Сизов возражал, что средств не хватит, вообще чиновничество боится что-нибудь смелого и грандиозного. Программу его решили переработать» (Смирнов Я. Е. «Вы не изменяете себе... С. 214).

При новом этапе реставрации Ростовского кремля, подготовке проекта реставрации кремлевской церкви Григория Богослова, в создании ее проектных чертежей принял участие Н. Н. Гарденин. В архиве Ростовского музея сохранился план этой церкви, датированный 20 апреля 1884 г. (АР-79, ил. 5). Однако, когда вдруг наступала пауза в творческом и дружеском общении, Гарденин обращался к Титову: «Дорогой Андрей Александрович! Давно Вам ничего не писал. Меня очень интересует, как идут дела в Ростове, как терема и церковь Григория Богослова, наверно уже готовы, и когда освящение? Я все это принимаю так близко к сердцу» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 558. Л. 30).

В ту же пору велась активная работа и по иллюстрированию книги А. А. Титова «Ростовского уезда Ярославской губернии» и других изданий ростовца: «Дорогой Андрей Александрович! Здоровы ли Вы? Или очень заняты? 2 письма послал Вам. Вы ничего не отвечаете, получили [ли] Вы планчики? Нравятся ли Вам они? Посылаю Вам вид села Шестакова (ил. 1). Помоему, вышло очень хорошо. Вы обратите внимание на землю и воду. Как старательно сделано. Мост мне не нравится, что сквозь него просвечивает, я велел ему (граверу С. Спасскому. – Я. С.) это исправить; он делает больше, нежели следует. Мы ему заказывали делать только штрихами, без тушевки, а он делает как гравюру» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 558. Л. 9). В архиве музея хранятся отпечатанные в типографии восемь рисунков ростовских сел и планов, которыми было иллюстрировано издание (ил. 6).

Между прочим, описанный А. А. Титовым в этой работе бронзовый «идольчик» («на круглой подножке изображена мужская фигура, с небольшой бородой и длинными, расчесанными в кружок волосами») также был зарисован Н. Н. Гардениным. Его изображение, как своего рода археологический талисман, встречается на последней стороне обложки нескольких титовских изданий.

Николай Гарденин стал участником и публикации А. А. Титова, посвященной памяти рано ушедшего из жизни А. И. Кельсиева. В статье «Белогостицкий монастырь Ярославской епархии», опубликованной в ноябрьском выпуске «Исторического вестника» за 1886 г., помещены литографии, выполненные по рисункам Н. Н. Гарденина. Под ними указано, что он их «рис[овал] с натуры». Одно такое изображение – «Входная дверь в Благовещенской церкви» – сохранилось в письмах архитектора к ростовскому археологу в ГАЯО (ил. 7).

Одно из последних писем А. И. Кельсиева к А. А. Титову, от 5 августа 1885 г., содержит информацию о прохождении их товарищем военной службы: «Получил письмо от Гарденина – он все еще в солдатах в Киеве. Но устроился там хорошо, строит по своим рисункам 2 дома, один из них – гимназия, получает 45 р[ублей] в месяц и ожидает еще большой награды» (Смирнов Я. Е. «Вы не изменяете себе... С. 227).

Так, впервые в судьбе Гарденина возникает Киев. Именно с ним будет связана вся последующая жизнь Николая Николаевича. Но прежде предстояло, после завершения военной службы, на непродолжительное время вернуться на родину... в Рыбинск. И, видимо, не обошлось здесь без протекции А. А. Титова. На короткие два года, в 1886–1887 гг., Н. Н. Гарденин поселился в Рыбинске, где исполнял должность городского архитектора. Проводившаяся здесь с 23 июня по 3 июля 1887 г. Ремесленно-промышленная выставка входила в сферу ответственности Гарденина, который стал ее главным оформителем. В Рыбинском музее-заповеднике до сих пор хранится чертеж особняка «в русском стиле», скрепленный 20 октября 1887 г. личной подписью архитектора Н. Н. Гарденина (ил. 8). На сайте музея содержится и краткая биография нашей «персоналии», чей рисунок отложился в фондах. В биографической справке сказано, что она «прислана киевским краеведом Михаилом Борисовичем Кальницким». Это с очевидностью указывает на то, что имя Н. Н. Гарденина на Украине и по сию пору живо.

Возвращение в Киев состоялось в 1888 г. Отныне Николай Николаевич Гарденин (теперь его фамилия

Ил. 8. Дом «в русском стиле». Н. Н. Гарденин. 1887. Рыбинский музей-заповедник

порою звучала по-новому – Гарденин) стал частнопрактикующим архитектором. Десятки проектов жилых и общественных домов, храмовых комплексов, которые были осуществлены в Киеве и Киевской губернии вплоть до начала советского времени, открыло строительство в том же году скромного на вид дома по заказу жены купца Литошенко. Двухэтажный с цокольным основанием особняк «в русском стиле» на Андреевском спуске, 13, удивительным образом напоминал «классический» дом Титовых в Ростове (ил. 9). Те же семь окон по фасаду, парадный вход справа (пристройка у титовского дома с балкончиком над входом появится лишь в 1900 г.). Если и брался Гардениным за основу какой-то типичный проект, то он был использован намеренно – с текстуальной отсылкой к дому А. А. Титова и Ростову, которые для двадцативосьмилетнего юноши стали за эти годы родными.

Но на этом мистические совпадения не заканчиваются. Позднее в этом киевском доме, спроектированном Гардениным, жила семья

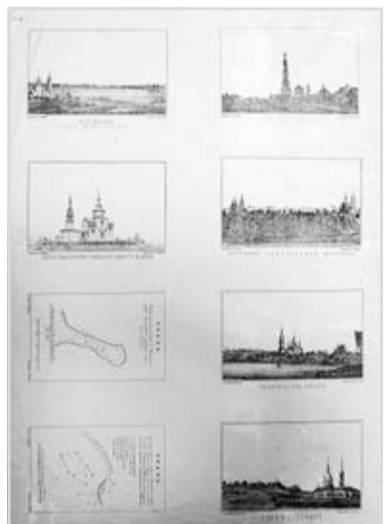
профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова (1859–1907). Его сын, Михаил Булгаков, ставший писателем, здесь создал свой знаменитый роман «Белая гвардия» и пьесу «Дни Турбиных». В этом доме и происходит основное действие этих произведений, связанное с крахом страны и судеб миллионов людей в послереволюционную эпоху. Удивительным образом это текстуально совпало с судьбой ростовского дома и его обитателей: наследник Андрея Александровича, его сын Александр Андреевич Титов (1878–1961), со всей своей семьей оказался в вынужденной эмиграции.

Примечательный киевский дом, образцом которому послужил дом Титовых в Ростове, стали называть «домом Турбиных» или «домом Булгакова». Сегодня он является памятником культуры Украины национального значения и здесь действует Литературно-мемориальный дом-музей писателя М. А. Булгакова.

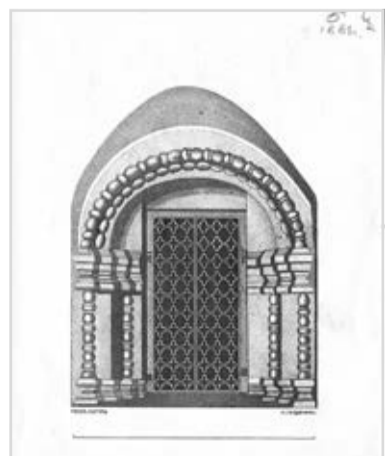
Ярослав Смирнов

Ил. 5. Церковь Григория Богослова в Ростовском кремле. Чертеж Н. Н. Гарденина. 1884. ГМЗРК

Ил. 6. Печатный типографский лист с иллюстрациями к книге А. А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда» (М., 1885). Автор рисунков и планов – Н. Н. Гарденин. ГМЗРК

Ил. 7. «Входная дверь в Благовещенской церкви» Белогостицкого монастыря. Литография по рисунку Н. Н. Гарденина. 1886. ГАЯО

Ил. 9. Дом А. А. Титова в Ростове и дом М. А. Булгакова в Киеве. Современное фото. Коллаж автора

К 180-летию Андрея Александровича Титова

«Добрый экзаменатор...»

А. А. Титов и фрольцовские ученики: редкая фотография

Известно, что крупнейший археолог, историк, собиратель, меценат, музейный, общественный и земский деятель, ростовский купец А. А. Титов (1844–1911) хорошо знал вопросы народного образования и всегда уделял им большое внимание. Уже в 1879 г. Андрей Александрович издал брошюру «Деятельность Ростовского земства по народному образованию, с 1865 по 1876 г.», в которой писал: «... сравните данные последних лет с теми, которые красуются в первых главах... и вы примиритесь с Ростовским земством по школьному вопросу, который был сперва поставлен у нас, почти как везде, слабо и шатко. Теперь картина переменилась и возбуждает уже удовольствие, а не сожаление о народе: теперь он может учиться».

Нередко на пожертвования Андрея Александровича в ближайших ростовских селах ремонтировались или возводились новые школьные здания, для классов закупались необходимое оборудование, а для учителей и учеников – методические пособия и литература.

В экзаменационный период школьной жизни А. А. Титов был занят едва ли не каждый день. Будучи членом Ростовского уездного училищного совета и Ростовского отделения епархиального училищного совета, он разъезжал по уезду на экзамены, составлял доклады об их результатах.

Как свидетельствовали современники, «где Андрей Александрович на экзаменах, там деловая торопливость, там бодрость и оживление среди учащихся и учащихся. Все знают, что это экзаменатор добрый, не удручает ни продолжительным выпрашиванием, ни придирчивостью, но, тем не ме-

нее, выведает, что ему надо, хотя и делает это легко и как бы шутя. Без книжек, картинок, гостинцев Андрей Александрович на экзамены не являлся, и его экзамены были действительно радостным днем в начальной школе...».

Редкая фотография, запечатлевшая момент после приема экзаменов с участием А. А. Титова в школе деревни Фрольцово 120 лет назад – 3 мая 1904 г. – не так давно была опубликована в специализированном филокартическом издании (*Костюченко К. В., Никонов С. В.* Фотографы и фотографические ателье Ярославского края (вторая полови-

на XIX – первая половина XX вв.): справочник. Ярославль, 2019. Т. 2. С. 111).

Автор снимка – Сергей Михайлович Леонтьев (1879–1937), помещик села Воронина, в приходе которого находилась деревня Фрольцово – был всерьез увлечен, как тогда говорили, светописью. В семье его потомков и ныне хранятся уникальные альбомы, в одном из которых находится фотография, о которой идет речь (ил. 1).

В объектив фотографа попали не только А. А. Титов и 13 учеников школы, но и деревенская детвора, бабы с младенцами на руках. Спра-

ва от А. А. Титова – высокая женщина с зачесанными назад пышными волосами. Вероятно, это учительница Вуколова. Ее фамилию сохранил черновик доклада А. А. Титова в Ростовский уездный училищный совет по результатам поездки во Фрольцово в тот самый день 3 мая 1904 г., когда была сделана фотография. Документ хранится в фондах Ростовского музея.

Из доклада, в частности, узнаем, что в эту поездку Андрей Александрович принимал экзамены в семи училищах уезда. На Фрольцовское училище было обращено особое внимание, т. к. в училищном совете

в отношении него были некоторые сомнения. Как выяснил Титов, сомнения эти оказались совершенно напрасными. «Во Фрольцовском училище, – свидетельствует он, – было представлено 13 учеников (в других – по 8, 7). [...] Училище обставлено прекрасно, учебных пособий достаточно, вообще недоработок никаких нет. [...] дети отвечали хорошо и диктант написан гораздо лучше других училищ». Андрей Александрович особо отметил «близкое активное участие в этой школе С. М. Леонтьева», который лично председательствовал во время экзаменов.

Далее была кратко изложена история самой школы. «До 1884 года, – пишет в докладе Андрей Александрович, – в Воронинском приходе, а это пять деревень и сел, около 400 детей крестьян за неимением школы оставались безграмотными. В соседних приходах были школы, а воронинский резко отличался безграмотностью. На это обратил внимание управляющий [господина] Леонтьева Игнат Арсентьевич Мальгин. Он обратился к знакомым ему москвичам Герасимовым, выхлопотал у них, чтобы они пожертвовали родной их дом в с. Фрольцове. Его хлопотами Герасимовы отдали дом и [господин] Мальгин приспособил его к школе, употребив часть своих средств».

Так, благодаря «встрече» двух документов из разных собраний, нам приоткрылась еще одна страница яркой и насыщенной биографии А. А. Титова. Что же касается школы, то она исправно служила вплоть до 1960-х гг., когда, по воспоминаниям местных жителей, была перевезена в Шурскую и, увы, там сгорела.

Елена Ким

Ил. 1. С. М. Леонтьев. «Фрольцово. А. А. Титов с кончившими экзамены. 3-го мая 1904 г.» Фотография. Частное собрание

С заботой о земской школе: из писем к А. А. Титову

Когда заметка Е. В. Ким о старинном снимке, на котором А. А. Титов в окружении учеников Фрольцовской школы и других обитателей подростковой деревни, уже была подготовлена к печати, удалось отыскать новые архивные материалы, удивительным образом продолжившие тему замечательной фотографии.

В письмах к А. А. Титову, хранящихся в личном фонде купца и историка в Государственном архиве Ярославской области, нашлись корреспонденции и названной в статье учительницы Е. Вуколовой, и помещика села Во-

ронина С. М. Леонтьева, автора редкой фотографии и активного участника процесса организации земского образования в Ростовском уезде. Его живописный портрет начала XX в. работы Е. И. Сумароковой находится в собрании музея «Ростовский кремль» (ил. 2)

Начинающая учительница Евгения Вуколова (вероятно, ее отчество – Дмитриевна, судя по наличию в архиве А. А. Титова писем от Дмитрия Вуколова, работника купца в его имении Петровское) обратилась 22 января 1901 г. к «добрейшему Андрею Александровичу» с просьбой о содействии в отыскании места педагога в одной из школ Ростовского уезда (док. № 1). Судя по всему, не без участия А. А. Титова Е. Вуколова была определена в земское училище деревни Фрольцово. А спустя три с половиной года учительница вместе со своим покровителем и учениками была запечатлена С. М. Леонтьевым после школьного экзамена. Счастливая улыбка и благодать на лице Андрея Александровича свидетельствуют о полном удовлетворении от знаний деревенских деток и состояния дел в училище, что и было вскоре отражено в его официальном отчете как члена уездного училищного совета.

Письма Сергея Михайловича Леонтьева также погружают нас в те вопросы, которые обсуждали между собой адресаты, и которые нашли яркую визуализацию в обретенном снимке. В том же 1904 г., когда была снята эта фотография, но уже 10 июля С. М. Леонтьев направил А. А. Титову еще некий снимок, который мог заинтересовать ростовца (док. № 2). Вероятно, речь шла о видовом изображении леонтьевского имени в селе Воронине. По всей видимости, в этот период С. М. Леонтьев, 25-летний молодой человек, был особенно увлечен фотографией, что

и выразилось в появлении снимка с Андреем Александровичем Титовым и в обмене с ним другими фотоизображениями.

Любопытно, что сверстник воронинского помещика, сын купца Александр Андреевич Титов (1878–1961), также в ту пору увлеченно занимался фотографией. Его снимки видов Петровской экономии Титовых помещены во 2 выпуске ее описания, увидевшем свет в 1903 г., а стеклянные негативы этих фотографий ныне хранятся в собрании Ростовского музея.

Удивительно, как близко будут пересекаться судьбы Сергея Михайловича и Александра Андреевича: оба москвича были погружены в общественную жизнь Ростова и его уезда – являлись членами Ростовской уездной земской управы (С. М. Леонтьев в 1909–1917 гг. – ее председатель); в годы Первой мировой войны активно работали во Всероссийском земском и городском союзе (Земгор), в 1917 г. – во Временном правительстве в должности товарищей министров: Леонтьев – в Министерстве внутренних дел, Титов – в Министерстве продовольствия...

Две последние корреспонденции С. М. Леонтьева к купцу А. А. Титову, написанные в апреле 1909 г. (док. № 3, 4), раскрывают вопросы организации экзаменов в уездной глубинке. Хронология писем, отстоящая на 5 лет от появления колоритной фотографии в 1904 г., с наглядностью демонстрирует, что забота о школах обоих деятелей земского просвещения носила системный характер. Не случайно современники после кончины Андрея Александровича Титова особо отмечали именно эту его общественную стезю как свойство души – «доброе экзаменатора» и школьного благодетеля юных ростовцев.

Ярослав Смирнов

Ил. 2. Е. И. Сумарокова. Портрет Сергея Михайловича Леонтьева. Начало XX в. ГМЗРК

№ 1

Е. Вуколова – А. А. Титову

Многоуважаемый и добрейший Андрей Александрович!

Имею честь обратиться к Вам с моею глубокою просьбою, а именно: я, Евгения Вуколова, кончила курс в Переславской, Владимирской губернии, женской прогимназии и, пройдя полтора года в Введенскую школу, с разрешения бывшего г-на инспектора народных училищ Ярославской губ. 2-го участка Сергея Николаевича Садыкова, практиканткой, получила право на учительницу за № 509-м уже от г-на инспектора народных училищ Ярославской губ[ернии] 2-го участка Николая Александровича Бакинского; заручившись правом, я 15-го января сего года подала прошение в Ростовский уездный училищный совет с просьбою зачислить меня кандидаткой на должность учительницы в одну из земских школ Ярослав[ской] губ[ернии] Ростовского уезда, а так как Вы имеете большое влияние, то я прошу Вас, добрейший Андрей Александрович, будьте так добры, не оставьте мою просьбу без внимания! Бывши в Ростове, я и папа мой заходили к Вам и хотели попросить Вас лично, а Вас, к сожалению, не было дома.

С почтением к Вам Евгения Вуколова.

1901-го года января 22-го дня.

ГЯЮ. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 546. Л. 1–2

№ 2

С. М. Леонтьев – А. А. Титову

Многоуважаемый Андрей Александрович. Присылаю Вам свой отпечаток, снимок сделан не с балкона, как имеющийся у Вас, а с чердака над балконом, но общее направление то же самое.

Жму Вашу руку.

Продолжение – на 4-й стр.

К 180-летию Андрея Александровича Титова

«Добрый экзаменатор...»

С заботой о земской школе: из писем к А. А. Титову

Продолжение. Начало – на 3-й стр.

Ваш С. Леонтьев.
Воронино.
10/VII [19]04.

ГАЮ. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1079. Л. 1

№ 3

С. М. Леонтьев – А. А. Титову

14/IV [19]09.

Глубокоуважаемый Андрей Александрович.

Наш управляющий обратился к Вам с просьбой уплатить 100 рублей в счет лесного материала, купленного и перевезенного в Алевайцино. Прошу Вас не отказать в этой просьбе, так как в настоящее время деньги необходимы для экономии.

Я получил уведомление из училищного совета, что заседание назначено на 17-ое апреля. Дороги настолько плохи, что мне проехать в Ростов сейчас

невозможно, кроме того, я по своим делам должен буду в 20-х числах этого месяца уехать в наше новороссийское имение, а оттуда в Киев и, когда вернусь в уезд, сейчас сказать точно не могу. Но, во всяком случае, после 20-го мая. Мною поэтому послано в училищный совет заявление, что я принужден отказаться от обязанности экзаменатора в этом году.

Не возьмете ли Вы, уважаемый Андрей Александрович, Фрольцовское училище? Во Фрольцовском училище можно экзаменовывать и близлежащие Покровское, Рождественское и Козловское. Я первоначально предполагал взять себе следующие восемь школ: Фрольцовскую, Козловскую, Рождественскую, Покровскую, Дубровскую, Талицкую, Зверинцевскую и Николо-Гарскую, – но теперь отказался, чтоб потом не вышло путаницы, и производство экзаменов не оттянулось бы снова на конец мая.

Прошу принять уверение в совершенном уважении.

Сергей Леонтьев.

ГАЮ. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1079. Л. 2-3

№ 4

С. М. Леонтьев – А. А. Титову

Воронино.

20/IV [19]09.

Многоуважаемый Андрей Александрович.

Я с удовольствием исполню Вашу просьбу и пошлю уведомления в Фрольцовскую, Козловскую, Покровскую, Рождественскую и Кореевскую школу о дне, назначенном Вами для экзамена. Я только из письма Вашего не вполне понял, предполагаете ли Вы все вышеупомянутые школы экзаменовывать вместе 11-го мая во Фрольцове? Пожалуйста, от-

ветьте мне, чтобы не вышла путаница.

Для всех школ прибыть во Фрольцово на экзамен вполне удобно, за одним исключением, а именно Кореевское училище далёко, пожалуй, более 10 верст. Быть может, Вы нашли бы возможным от этого училища отказаться, передали его тому, кто экзаменует в Лазаревском и в Фатьяновском, т. к. это рядом?

Во всяком случае, жду Вашего ответа.

Очень жаль, что меня сженой не будет в Воронине 11-го мая, чтоб принять Вас, но, во всяком случае, в Воронине будет моя сестра княгиня Голицына, и я прошу Вас после экзамена заехать отдохнуть и подкрепиться к нам. Прошу принять уверения в совершенном уважении.

С. Леонтьев.

ГАЮ. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1079. Л. 4-4 об.

Беатриса Титова, урожденная Солтер

В биографике рода Андрея Александровича Титова давно закрепилась неверная фамилия первой жены его сына – Александра Андреевича Титова. Как утверждалось, «канадка английского происхождения» Беатриса Васильевна была урожденной Уинстон (*Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А.* Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века. Генеалогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов, 2009. С. 225; и др.).

Это представление основывалось на воспоминаниях Е. Н. Морозовой, дочери двоюродного брата Андрея Александровича Титова и, соответственно, бабушки Е. И. Крестьяниновой, автора ряда публикаций о роде Титовых (Воспоминания Е. Н. Морозовой / публ. Е. И. Крестьяниновой // Титовы: Ростов – Париж – Москва. Живые голоса. Ростов, 2002. С. 93). Воспоминания были записаны в 1970-х гг. отцом исследователем – И. А. Морозовым, одним из ведущих тогда сотрудников Ростовского музея.

Ранее известные мне и вновь открытые документальные источники позволяют прояснить многие вопросы, связанные с происхождением Беатрисы Титовой – установить ее канадскую и английскую родню, выяснить даты жизни, которые до сих пор не были известны, раскрыть обстоятельства знакомства с ней Александра Титова, узнать их «историю любви». О последнем многие сведения можно почерпнуть из переписки сына с отцом, относящейся к периоду учебы ростовского юноши в Германии (хранится в фонде купца-историка в Государственном архиве Ярославской области). А вот данные о происхождении Беатрисы, ее родителей и родне, неожиданно раскрыл генеалогический интернет-ресурс WikiTree, насчитывающий более миллиона участников проекта и 36 миллионов профилей людей с биографическими данными.

Будущие супруги Титовы познакомились весной 1899 г. в Лейпциге, куда Александр благозвучно уехал вследствие студенческих волнений, вспыхнувших в Московском университете. Оливия Беатрис Миллицинта Солтер (именно так звучало полное имя канадской девушки – Olive Beatrice Millicent Salter) училась в Лейпцигской консерватории по классу рояля. Рыжеволосая, веснушчатая красавица приехала в Лейпциг из канадского города Галифакса. У девушки, судя по профилю в WikiTree, имелось милое прозвище – Birdie, что в переводе с английского означает «Птичка». Родными оно было дано, видимо, за ее «щебечущий» нрав (ростовская родня также вспоминала: «Очень жизнерадостная, [она] хохотала во весь голос»).

Выданное 13 апреля 1900 г. священником ростовской Всехсвятской церкви свидетельство гласило, что «вступлению в брак русского подданного сына коллежского советника Александра Андреевича Титова, родившегося в городе Ростове 27-го августа [у] 1878 года с великобританской подданной девицей Беатрисой-Миллицинта Солтер из города Гали-

Ил. 1. Беатриса Титова, урожденная Солтер. 1904. Галифакс, Канада. На обороте надпись: «Beatrice Titoff (nee Salter)». Фотография из архива автора

факса никаких препятствий не встречается» (ГАЮ. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1760. Л. 31 об.–32) (ил. 1). Венчание супругов состоялось в Берлине 24 июля (6 августа по новому стилю) 1900 г. в церкви при Российском посольстве. Обряд венчания совершил настоятель русского храма в Тегеле, пригороде Берлина, священник Алексей Петрович Мальцев – известный богослов и духовный деятель (кстати, происходивший из Ярославской губернии). Свидетелями молодоженов были Николай Дмитриевич Авксентьев (ровесник и друг Александра, после исключения из Московского университета также учившийся в немецких университетах, впоследствии видный политический деятель, член ЦК партии эсеров, председатель Уфимской дирекции, эмигрант) и Валентина Андреевна Титова, старшая сестра ростовского юноши.

Это всё сведения, которые мы можем реконструировать на основе отечественных архивных источников. Интернет-ресурс WikiTree о том же событии обнаруживает любопытную газетную заметку «Галифакс Геральд» (The Halifax Herald, Halifax, Nova Scotia, Canada) от 23 августа 1900 г., которая так и называется «Мисс Беатрис Солтер вышла замуж в Берлине». Вот ее содержание: «6 числа в часовне русского посольства в Берлине Александр Титов, из Ярославской губернии, Россия, обвенчался с мисс Беатрис Миллицинта Солтер, одной из самых умных дочерей Галифакса. Она дочь покойного У. С. Солтера и внучка Джорджа Э. Форсайта и покойного Б. У. Сол-

тера. Талантливая пианистка и выпускница музыкальной консерватории Галифакса, она завершила свое образование в Германии. Жених происходит из старинной русской семьи и имеет хорошие связи. Многочисленные друзья невесты из Галифакса с удовольствием узнают об этом радостном событии».

Итак, данные WikiTree сообщают, что Беатриса родилась 17 (29) ноября 1876 г. в Галифаксе (таким образом, она почти на 2 года была старше Александра, родившегося 27 августа (8 сентября) 1878 г.). Об отце девушки, «покойном У. С. Солтере» (William S. Salter) (ил. 2), интернет-ресурс сообщает, что он являлся уроженцем Галифакса, родился около 1849 г., а скончался после 1893 г. в возрасте примерно 44 лет (кстати, именно поэтому Беатриса в России приобрела созвучное Уильяму (Вильяму) отчество – Васильевна). Не упомянутая в заметке мать Беатрисы – Энни Солтер (Annie Salter, formerly Forsyth, в девичестве Форсайт) – родилась 14 декабря 1854 г., а умерла 3 апреля 1893 г. (ей было 38 лет). Сообщается также, что супруги поженились 1 декабря 1875 г. в Галифаксе. Таким образом, когда Беатрисе было 16 лет, не стало ее матери. Отец скончался между 1893 и 1900 гг., так как в газетной публикации он упоминается уже почившим.

Названы в заметке и два деда Беатрисы – «покойный Б. У. Солтер» и Джордж Э. Форсайт. Первый был дедом по отцовской линии – Бенджамин Уильям Солтер (Benjamin William Salter, около 1823–1892), а второй – по материнской: Джордж Эдвард Форсайт (George Edward Forsyth, около 1831–24 апреля 1910). На попечении последнего, после смерти обоих родителей, и находилась Беатриса. Об этом свидетельствуют известные нам архивные материалы. Именно к нему устремились супруги летом 1904 г., побывав на родине Беатрисы в Галифаксе и путешествия по Канаде и Соединенным Штатам Америки.

Дед Беатрисы Джордж Форсайт, как видно из переписки Титовых, был человеком не бедным и занимался собственной коммерцией, – благо портовый Галифакс на Атлантическом побережье Канады привлекал сюда купцов со всего мира. Сохранились два портретных снимка мистера и миссис Форсайт, рассматривая которые, отчетливо замечаешь, насколько даже в детстве Беатриса была похожа на своего канадского дедушку. Ее родственники со стороны бабушки Элизы Рэтчфорд (Eliza Ratchford), носившие фамилию Де Вольф (DeWolf), проживали в Англии – в Ливерпуле и Честере. Ливерпульский брат бабушки, по свидетельству Александра

Титова (имя которого он не называет), был бездетным и очень богатым человеком: имея собственные корабли, он занимался импортированием в свою страну хлопка и шерсти. Судя по данным WikiTree, имелся в виду Джон Старр Де Волф (John Starr DeWolf, 1845–1924). Наличие в Великобритании близких родственников Беатрисы, откуда, надо полагать, происходили и Солтеры, и Форсайты, вполне объясняет ее английское подданство.

Материалы зарубежного генеалогического портала сообщают и ранее неизвестную дату кончины первой жены Александра Титова, спустя несколько лет после их развода. Беатриса Титова умерла 14 августа 1920 г. в Москве в Колпачном переулке. Как свидетельствовала русская родня Беатрисы Васильевны, «от цинги и голода». Оказавшийся весной того же года в эмиграции Александр Андреевич уже вскоре смог через английскую родню Беатрисы вывезти во Францию своих детей от этого брака – Зинаиду и Александра.

Сообщенные новые биографические данные о Беатрисе Титовой, ставшие доступными в Сети (автор сведений – Катрина Лоусон (Раунсфелл) (Katrina Lawson, Rounsefell) из Канады), позволяют достоверно реконструировать происхождение первой супруги Ал. Ан. Титова, детально раскрыть зарубежные родственные связи ростовцев Титовых.

Ярослав Смирнов

Ил. 2. Юная Беатриса с отцом – Уильямом С. Солтером. 1880-е. Галифакс, Канада. Фотография из архива автора

Нужники XVII века Ростовского кремля

Ил. 1. Нужник на переходе северного прясла западной крепостной стены Ростовского кремля

Где, братец, здесь нужник?
А. С. Пушкин

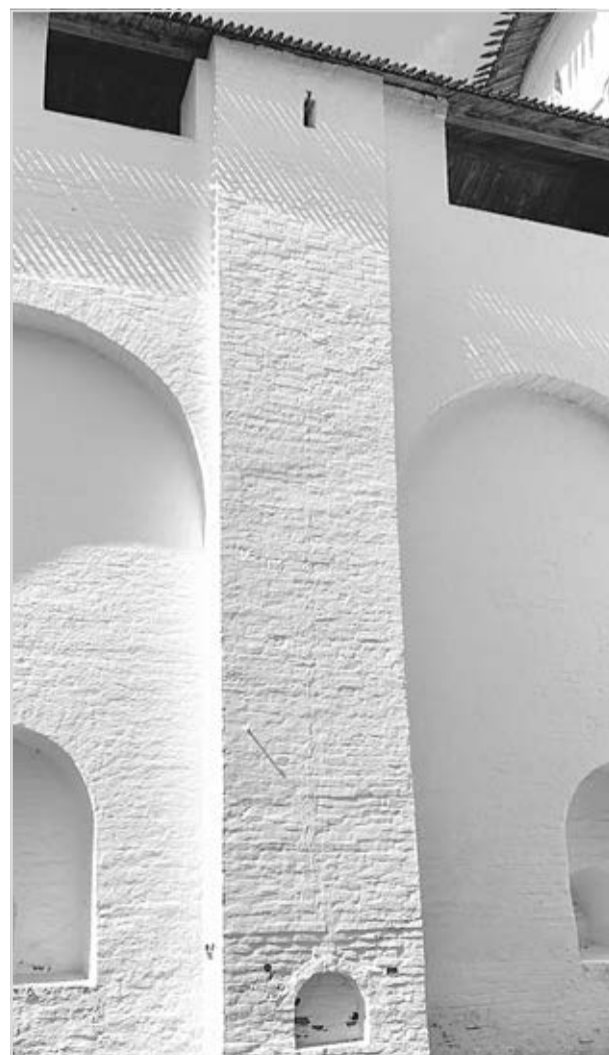
Многие туристы, проходя по переходу крепостной стены между угловой северо-западной Одигитриевской башней и церковью Иоанна Богослова Ростовского кремля, обращали внимание на некий странный объем с всегда закрытой дверью (ил. 1). В этом месте переход сужается, что несколько затрудняет передвижение экскурсионной группы. Когда наиболее любознательные туристы спрашивали меня: что это такое? — я отвечал им, что это нужник или туалет XVII века, созданный одновременно с кремлем. Реакция в таких случаях вполне предсказуема — удивление.

Действительно, нужники Ростовского кремля остались вне поля зрения его исследователей. И поэтому о них мало что известно. Между тем эти нужники являлись характерным атрибутом повседневной жизни обитателей кремля в XVII–XVIII веках. В то время здесь нужников было, видимо, немало. Какая-то их часть, находившаяся в жилых корпусах, утрачена. Но сохранились следующие нужники, которые, между прочим, в XVII веке именно так и назывались:

1. Нужник на северном прясле западной крепостной стены (ил. 2, 3) мы уже отметили.

Ил. 2. Фрагмент интерьера нужника на переходе северного прясла западной крепостной стены Ростовского кремля

Ил. 3. Выступ, обозначающий нужник на переходе северного прясла западной крепостной стены Ростовского кремля

2. Нужник, примыкающий ко второму ярусу угловой северо-восточной Часовой башни (ил. 4, 5).

3. Нужники во втором и третьем ярусах Дровяной башни (ил. 6).

4. Нужники в первом и втором этажах Государских хором (Красная палата) (ил. 7).

5. Нужники во втором этаже корпуса, примыкающего с востока к Дровяной башне (Жилья на кладовых палатах).

Все эти нужники имеют сходное, хоть и не одинаковое устройство. Снаружи на фасадах зданий часть из них обозначена прямоугольными в плане выступами (ил. 3, 4, 6). Изнутри в небольших сводчатых помещениях нужников, снабженных небольшим оконцем-отдушиной, в полу или в невысоком возвышении над ним устроено отверстие, так называемое очко (ил. 2, 5). От него вниз до самой земли пролегает вертикальная шахта. Внизу снаружи обычно имеется арочный проем для выгребания нечистот. Сейчас

все эти проемы заложены (ил. 3, 6).

Описанные нужники создавались одновременно с соответствующими зданиями кремля, которые датируются 1670–1680-ми годами. Значит, к этому же времени относятся и нужники.

Нужник Государских хором особенно интересен, поскольку косвенно дает представление об отношении к «отправлению естественных надобностей» в России XVII века. Ведь вход в этот нужник расположен прямо в парадном одностолпном столовом зале хором, который предназначался для пиров русских царей. Как видим, людей XVII века совершенно не смущало такое откровенное соседство парадного помещения и нужника.

Ил. 4. Нужник, примыкающий ко второму ярусу угловой северо-восточной башни Ростовского кремля

Ил. 5. Фрагмент интерьера нужника, примыкающего ко второму ярусу угловой северо-восточной башни Ростовского кремля

Ил. 6. Выступ, обозначающий нужник во втором и третьем ярусах Дровяной башни Ростовского кремля

Можно только догадываться, зачем был устроен упомянутый нужник на крепостной стене. Но предположить все-таки можно. Вероятно, он предназначался для клира и тех, кто приходил на службу в надвратные церкви Воскресения и Иоанна Богослова. Расположен он между ними, на, так сказать, «приличном» расстоянии от той и другой.

Александр Мельник

Ил. 7. Выступ, обозначающий нужники Государских хором Ростовского кремля

Кто и когда соорудил восточные ворота Ростовского кремля?

Ростовский кремль хранит немало загадок. Хорошо известны проезжие ворота в его восточной стене (ил. 1). В настоящее время только через них на территорию кремля может попасть какой-либо транспорт. Эти ворота расположены между Часозвоней (Часобитной башней) и кельями, «что на погребах», или Домом на погребах. Во времена митрополита Ионы III, создателя архиерейского дома в конце XVII в., и позже, в XVIII столетии, этих ворот не существовало.

В конце 1780-х гг. архиерейская кафедра была переведена из Ростова в Ярославль. Ростовский кремль остался без «хозяина». Огромная резиденция ростовских архиереев стала местом, сдававшимся в аренду мелкими и крупными частями разным лицам (в основном купечеству) и учреждениям. Этот процесс детально прослеживается по договорам и контрактам с конца XVIII в. и на протяжении первой половины XIX в. Итог был весьма плачевен. Жесткие меры по сохранению зданий и сооружений кремля, обязательства арендаторов по его ремонту, прописанные в контрактах, так и не смогли уберечь ансамбль от разрушений уже на начальном этапе. К середине XIX в. Ростовский кремль превратился практически в руины.

Итак, 4 марта 1808 г. священник Петр, экононом Ярославского архиерейского дома, и казначей иеромонах Самуил заключили контракт с ростовским купцом Козьмой Яковлевым Тютиним. Последний по «резолуции» (разрешению) архиепископа Антония взял в аренду на 4 года «для поклажи товару» имеющиеся в Ростовском архиерейском доме «все нижние полатки, подвалы башен, все нижние под покаями его высокопреосвященства каменные покои (Самуилов корпус), озерные ворота и подле ограды извне дома и землю на сажень...». В аренду были взяты и все пустопорожние и огородные места – «...для балаганов к изменению на одно только время бываемой в городе Ростове ярмарке товаров». Таким образом, это был один из первых крупных арендных договоров на все первые этажи и подвалы Ростовского кремля, а также его территории (Магистерская книга города Ростова 1808 г. // РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3493. Л. 64–64 об.).

Целый ряд кремлевских зданий и мест уже на тот момент был занят различными арендаторами. Купцу Тютину по одному из условий контракта было позволено собирать деньги с таких арендаторов и вносить

их арендодателю. За означенные «полатки и подвалы» купец выплачивал по 850 рублей в год. За просрочку выплаты полагались обычные для того времени проценты – 10–12% годовых.

Сверх того, арендатор получил право за «свой кошт» пробить сквозь оградную стену возле часовни ворота для провоза товаров, на которые предписывалось сделать «створные, деревянные полотна...».

По предположению А.Г. Мельника, это могли быть ворота в восточной стене Ростовского кремля, поскольку Часобитная башня в некоторых источниках названа «часовней». И так, проезд-

Ил. 1. Восточные ворота Ростовского кремля. Современное фото

ные транспортные ворота в восточной стене Ростовского кремля могли появиться в 1808 г. Александр Морозов

Ростов: у воды — да не напиться!

С давних пор и на протяжении долгого времени для жителей старого Ростова острой являлась проблема обеспечения питьевой водой. Вода из озера Неро, на берегу которого располагался город, была низкого качества и «по нечистоте и дурному вкусу» малопригодной для употребления. Данное обстоятельство требовало усилий по поиску альтернативных источников воды для ростовцев.

В 1846–1849 гг. в Ростове предприняли неудачную попытку сооружения «артезианского колодца», для чего пробурили грунт на глубину 90 сажени (около 192 м). Позднее рассматривался вопрос о проведении водопроводов от некоторых пунктов на р. Устье. Однако после предварительного обследования территорий будущих водопроводов было сделано заключение о необходимости использования здесь паровых машин. Последнее требовало денежных затрат «до 150000 рублей». Данная сумма существенно увеличивалась с учетом постоянного расхода на топливо и содержание и ремонт механизма (до 4000 рублей ежегодно). В связи с этим городское управление было вынуждено отказаться от реализации этого проекта.

В 1863 г. ростовский городской голова И.А. Первушин инициировал обследование оврага, располагавшегося около с. Шурскол Ростовского уезда в 8 верстах от города. Здесь был обнаружен расчищенный источник с водой хорошего качества, которую употребляли местные крестьяне.

В июле 1864 г. специально созданная городская общественная комиссия, осмотревшая местность, выяснила, что «шурсколовские ключи» начинались в верхней части оврага и объединялись в один ручей, который затем тек по болотистой равнине, пересекал Ярославское шоссе в с. Лвы и впадал в озеро. Было подсчитано, что ростовцы, в случае проведения водопровода от Шурскола, могли потреблять 31965 ведер воды (около 393170 л) в сутки. Ручей располагался выше территории города, и в связи с этим использование паровых механизмов для проведения воды не требовалось.

По предписанию министра путей сообщения, 10 сентября 1864 г. инженер Соломко после перепроверки данных, полученных комиссией, сделал заключение о возможном употреблении горожанами

30643 ведер воды (около 376909 л) в сутки. Разночтение объяснялось тем, что «после бывшего паводка от сильных дождей в августе месяце, водяные истоки, вероятно, были занесены песком, и вода проходила более нижним водопроточным слоем». В итоге было принято в расчет возможное минимальное потребление воды ростовцами 30000 ведер (369000 л), то есть по 3 ведра (около 37 л) на каждого жителя в сутки. После проведения химического анализа шурсколовская ключевая вода была признана «совершенно годною и здоровою для употребления».

В 1866 г. инженер путей сообщения Владимир Яковлевич Николая представил «Проект снабжения города Ростова (Ярославской губернии) чистою ключевою водою» и опубликовал его в «Журнале Министерства путей сообщения» (т. 3, кн. 4) (ил. 1).

Согласно «Проекту», в шурсколовском овраге предполагалось, прежде всего, «собрать» ключи, для чего в верхней части основной и боковой рывтин по дну ручья следовало прокопать ров глубиной около сажени (2,13 м) и сложить здесь булыжные трубы с 5 колод-

цами при них. Далее объединенный в колодцах поток на этой же глубине следовало пустить напрямую в основную чугунную трубу к городу. Однако из-за расположения на пути водовода глубоких болот было решено удлинить трубу до 10 верст 41 сажени (около 10 км 756 м) и провести ее в обход топкой местности.

В Ростове следовало построить шесть пожарных колодцев с крышками, где из водовода выходили вертикальные трубы, снабженные сверху кранами и медными гайками, которые при необходимости снимались, и вместо них навинчивались пожарные рукава.

Кроме того, по ходу водопроводной трубы предусматривалось строительство в городе двух фонтанов, которые должны были располагаться на площади перед кремлем и напротив Городского сада. Для стоков лишней воды из фонтанов следовало провести водосточные деревянные подземные трубы в крепостной ров и в озеро. Около последнего предполагалось сооружение «портомойного» пруда «с навесом». Оговаривалось, что вместо фонтанов можно было построить водонапорные колодцы с кранами,

выпускающими воду «по мере надобности».

Конечно, при разработке данного проекта большое значение имел финансовый вопрос. Известно, что специально для оплаты строительства в Ростове водопровода было выделено 55000 рублей. В этой связи В.Я. Николая было предложено три варианта данной работы.

Согласно первому варианту предполагалось сооружение водопровода из деревянных труб, изготовленных из бревен с просверленным круглым отверстием, и вставленных одна в другую; на оба конца нагонялись металлические кольца. Колодцы строились в виде четырехугольных деревянных срубов; фонтаны – в виде бассейнов с полом, составленных из плотно пригнанных дубовых досок, стянутых по внешней окружности тремя железными обручами диаметром 3 сажени (около 6,4 м), высотой 3 фута (0,9 м). Под полом предусматривалась пуста для проведения технического осмотра. По сметам на устройство водопровода этим способом требовалось затратить до 28500 рублей.

Второй вариант проведения водопровода предполагал прокладку

чугунных труб, изготовление каменных колодцев с металлическими кранами и чугунными крышками, чугунных фонтанов на «каменных основаниях» и других каменных сооружений. Работы по строительству чугунного водопровода оценивались в 84000 рублей.

По третьему варианту предусматривалось использование так называемых «асфальтовых труб», производившихся на гамбургском заводе Карла Фюсса, и постройку каменных сооружений. Рассказывая об изготовлении таких труб, разработчик проекта пояснял, что лист бумаги очень большого размера, покрытый слоем расплавленного асфальта, наворачивался на цилиндрический «сердечник» (его объем равнялся размеру изготавливаемой трубы) для образования стенки заданной толщины. Одновременно другой цилиндр производил на стенку давление для равномерного распределения асфальта. Затем образовавшаяся труба снималась с «сердечника» и покрывалась внутри качественным нерастворимым лаком, а снаружи – асфальтовым лаком в смеси с колчеданом. Автор утверждал, что «асфальтовые трубы» обладали непроницаемостью, стойкостью перед кислотами и щелочами, качеством изолятора, упругостью, легкостью. Стоимость проведения водопровода описанным способом, включавшая цену труб «с доставкой на место» и оплату устройства каменных сооружений и некоторых «чугунных частей», составляла до 54000 рублей. В.Я. Николая отдавал предпочтение именно этому варианту строительства водопровода.

Ярославский краевед В.И. Лествицын, познакомивший на страницах «Ярославских губернских ведомостей» общественность с «Проектом» В.Я. Николая, надеялся, что водопровод будет построен и назван в честь ростовского городского головы «Первушинским», а на фонтане «вековечными литерами» напишут имена ростовского градоправителя и «того инженера, который превосходным образом устроит этот водопровод» (ЯГВ. 1866. Ч. неофиц. № 47).

Однако, как показывает история, данный проект не был воплощен. Водопровод в Ростове был построен только спустя 20 лет, в 1886 г., на средства местного купца А.Л. Кекина посредством проведения водопроводной линии от р. Устье.

Алексей Киселев

Ил. 1. Территория, по которой должен был пройти водопровод из с. Шурскол в г. Ростов по проекту В.Я. Николая. Фрагмент карты А.И. Менде. Вторая половина 1850-х гг.

Ростовец Горошков — «моряк революционной Балтики»

Среди почти 300 музейных предметов экспозиции «Арсенал Ростовского кремля» представлены четыре, связанные с Балтийским флотом. Все они принадлежали уроженцу Ростовской земли — моряку Павлу Ивановичу Горошкову (1892–1971), участнику Гражданской войны (ил. 1).

Ил. 1. Моряк Павел Иванович Горошков. Фотография. 1918–1922 гг.

Фонды «Ростовского кремля» хранят и другие личные вещи, фотографии, архивные документы, поступившие в дар от Горошкова или, как его называют некоторые ранние биографические источники, Горохова. Доступные нам документальные материалы, однако, не позволяют раскрыть тайну фамилии дарителя, имеющей разное написание — Горохов и Горошков.

Как удалось установить, в церковных метрических и исповедных книгах, хранящихся в Ростовском филиале ГАЯО, Павел Иванович и его семья были записаны Гороховыми, а вот в документах Всероссийской переписи 1897 г. — уже Горошковыми. Предполагаем, что военное ведомство Российской империи, набирая на военную службу, опиралось на записи в метриках. В годы же советской власти ЗАГСы, вероятно, ориентировались на данные Всероссийской переписи, потому и в записи о заключении брака герой нашей публикации значился уже Горошковым (1921 г.).

Павел Иванович Горошков родился в с. Маркове Ростовского уезда. В 1902 г. окончил местное земское училище. С 11 лет работал «мальчиком» в молочной лавке и на коробочной фабрике в Петербурге, а с 1905 г. на суконной фабрике «К. Блесс и К^о» близ с. Маркова. В 1912 г. Горошков был призван на военную службу и сразу попал на Балтийский флот — на крейсер «Баян».

В апреле 1913 г. способного матроса направили в учебно-артиллерийский отряд Балтийского флота. С той поры у Павла Ивановича сохранялось учебное пособие — «Содержание и хранение орудий и замков. Курс класса артиллерийских унтер-офицеров» (изд. 1913). На титульном листе брошюры имеется владельческая запись карандашом: «П. И. Горохов. Замочки» (вероятно, «Замочник») (ил. 2).

Моряк оставил свой автограф и на фотографии, отпечатанной в виде почтовой карточки. На снимке он изображен вместе со своим сослуживцем-земляком Балашовым (ил. 3). На обороте фото содержится письмо, адресованное матери: «Дорогая мама, посылаю я вам еще карточку на добрую память, снимался на корабле Павел Иванович Горохов». Здесь же указан и адрес получателя: «В г. Ростов Ярославской губ., Савинская волость, село Марково. Просковье Ильинишне Гороховой».

Фотография с сослуживцем Балашовым, очевидно, была сделана в 1913 г. или 1914 г. — во время пребывания товарищей в учебно-артиллерийском отряде. На броненосце «Император Александр II», входившем в состав Практической эскадры Балтийского флота, новобранцев учили стрелять из пушек и пулеметов по неподвижным и плавающим целям, в условиях качки и ночного времени. По завершению учебы Павел Иванович удостоился характеристики: «способен, прилежен, сообразителен, распорядителен».

Вскоре учение было продолжено в классе артиллерийских унтер-офицеров учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота, после чего П. И. Горошков получил чин комендора и был допущен к командованию plutonгом (несколькими орудиями одного калибра на корабле). Эти служебные перемены нашли отражение в «Аттестационной книжке комендора». Со времен службы на миноносце «Рьяный» сохранились фотографии, бескозырка и боцманская дудка (ил. 4). Сегодня дудку

Ил. 4. Дудка корабельная с миноносца «Рьяный», принадлежавшая П. И. Горохову (Горошкову). Экспозиция «Арсенал Ростовского кремля»

морьяка можно видеть в экспозиции «Арсенал Ростовского кремля».

В феврале — мае 1918 г. П. И. Горошков стал участником знаменитого Ледового похода — важнейшей операции по спасению кораблей Балтийского флота от захвата германскими и финскими войсками. Переведенные из Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт самые ценные корабли были сохранены и составили основу Красного Флота. Свидетельства тех событий — фрагмент ленты от бескозырки и удостоверение судового комитета, выданное артиллерийскому старшине на транспорте боеприпасов «Ока» П. И. Горохову (ил. 5).

С мая 1918 г. по март 1922 г. П. И. Горошков служил старшим комендором на миноносце «Прочный» в составе Волжско-Камской флотилии и участвовал в наступательной Казанской операции, в освобождении пленных красноармейцев и заложников, находившихся на барже № 119 вблизи местечка Гольяны.

В годы Гражданской войны обе противоборствующие стороны использовали корабли и баржи под плавающие тюрьмы. План по освобождению пленных с баржи был достаточно авантюрным и дерзким: три миноносца — «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый» — спу-

Ил. 5. Фрагмент ленты с бескозырки транспорта «Ока», принадлежавшей П. И. Горохову (Горошкову)

стили флаги и пошли к Гольянам. Белогвардейцы приняли их за флотилию адмирала Старка и выполнили требование командира миноносца Ф. Ф. Раскольникове, переодетого в офицерскую форму, отвести баржу в Уфу, в распоряжение адмирала. Когда Гольяны скрылись, к миноносцам присоединился переоборудованный в боевое судно пароход «Волгарь-доброволец». Краснофлотцы после короткой стычки разоружили караул, открыли трюмы и выпустили измученных пленников.

С марта 1922 по март 1923 г. П. И. Горошков служил начальником охраны склада минно-артиллерийского и технического имущества Моркома. После увольнения в запас моряк-ростовец вернулся на малую родину и сразу адаптировался к мирной жизни — стал работать на Савинском молокозаводе. В 1934 г. окончил двухгодичные курсы по специальности «инструктор молочного хозяйства». В первой половине 1930-х гг. переехал на постоянное жительство в Ростов.

В 1967 г. Павел Иванович познакомился с юными следопытами из ростовского Дома пионеров (руководитель Т. Н. Таратина), а вскоре с И. А. Морозовым — в тот момент заведующим отделом дореволюционного прошлого Ростовского музея. Илья Алексеевич вел большую научную, просветительную и собирательскую работу. В год 50-летия Советской власти он встретился с бывшим «морьяком революционной Балтики» и распросил его об эпизодах биографии.

А еще через полгода участник Гражданской войны П. И. Горошков подарил Ростовскому музею шестнадцать бесценных исторических реликвий. Среди них бескозырка, тельняшка, летняя матросская форма. В числе подаренных вещей оказались и учебные пособия, отпечатанные в типографии школы комендоров учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота в 1912–1913 гг. Автором этих пособий был основатель научной школы теории стрельбы корабельной артиллерии Всеволод Андреевич Унковский (1884–1969).

В годы Советской власти В. А. Унковский стал вице-адмиралом, доктором технических наук, профессором, академиком Академии артиллерийских наук. Его автограф сохранился в «Аттестационной книжке комендора» П. И. Горошкова (Горохова) (ил. 6).

За каждым музейным предметом стоит судьба человека, история большой страны. Именно это напомнила нам недавно созданная прекрасная экспозиция «Арсенал Ростовского кремля», представившая уникальные экспонаты — личные вещи, когда-то принадлежавшие ростовцу — моряку Балтийского флота.

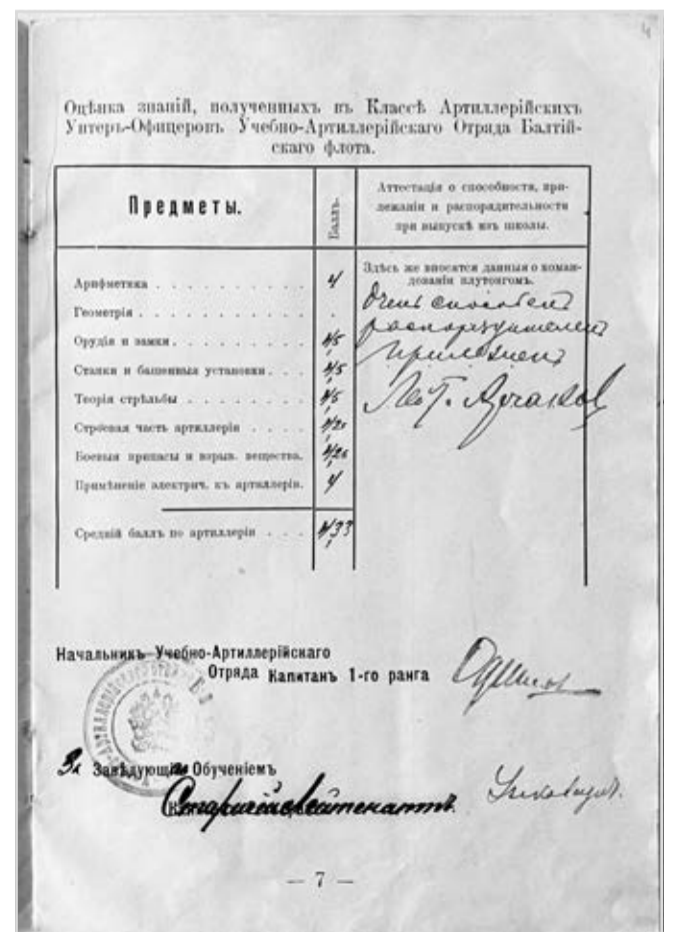
Ольга Букреева

Ил. 2. Пособие «Содержание и хранение орудий и замков», составитель В. А. Унковский (1913). Автограф на титульном листе П. И. Горохова (Горошкова)

Ил. 3. П. И. Горохов (Горошков) и его сослуживец-земляк Балашов (слева)

Ил. 6. Автограф В. А. Унковского в «Аттестационной книжке комендора...» П. И. Горохова (Горошкова)

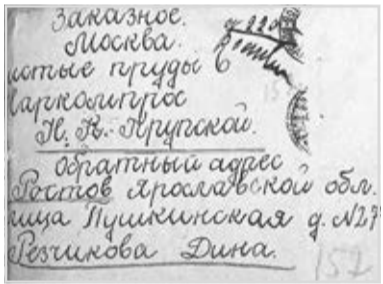
«Пионерский привет, бабуся Вам...»: ростовская девочка пишет Н.К. Крупской

В филиале Государственного архива Ярославской области в г. Ростове хранится письмо ученицы 6 класса Ростовской средней школы № 1 Дины Резчиковой на имя Надежды Константиновны Крупской – партийного и общественного деятеля, вдовы основателя Советского государства В.И. Ленина.

Ил. 1. Дина Резчикова. Фотография. Лето 1941 г.

Дина Резчикова (ил. 1) вместе с семьей проживала в небольшой комнате частного дома на Пушкинской улице, 27. Стесненные жилищные условия сказывались и на учебе девочки. Разрешение вопроса она видела в расширении жилплощади, но дирекция завода и местные власти с этим «не спешили», и девочка пошла на смелый шаг – письмом обратилась за помощью к Н.К. Круп-

Ил. 2. Конверт письма Дины Резчиковой на имя Н.К. Крупской

ской (ил. 2). В этом не было ничего удивительного, в то время случаи обращения взрослых и подростков за помощью к И.В. Сталину, Н.К. Крупской и другим партийным и советским деятелям были не редки. Например, 12-летняя Надя Птицына из с. Селище Борисоглебского района 5 ноября 1931 г. обратилась за помощью к самому Сталину, желая помочь своей семье, на которую местная исполнительная власть наложила непосильное «твердое задание», а в итоге исключила из колхоза (см.: За помощью к Сталину / публ. К.А. Степанова // Новое время. 2004. 10 марта).

Обращение школьницы рассматривалось в секретариате Н.К. Крупской, о чем свидетельствует отправленное 19 февраля в Ростовский городской совет открытое письмо-корешок с текстом: «Секретариат Н.К. Крупской направляет на ваше усмотрение заявление гр. Резчико-

Ил. 3. Ученицы Ростовской средней школы № 1 (слева направо): Нина Громцева (в замужестве Соколова), Дина Резчикова. Фотография. Ноябрь 1938 г.

вой Д.» Письмо, таким образом, попало в замкнутый круг: вопрос предлагалось рассмотреть тем органам, которые «не спешили» с улучшением жилищных условий девочки и ее семьи.

27 февраля 1939 г. на очередном заседании президиума Ростовского горсовета 11-м вопросом в повестке заслушивалось «Заявление гр-н Резчиковой Дины и Валентины о предоставлении квартиры, через секретариат т. Крупской». Члены президиума вынесли постановление: «Поручить Горжилуправлению поставить на очередь в предоставлении квартиры гр[аждан]ку Резчикову Дину. Предложить дирекции Патзавода предоставить жилую площадь гр[аждан]ке Резчиковой В., работнице Патзавода».

По-видимому, ученица с матерью квартиру так и не получила. Со слов жительницы Ростова Галины Григорьевны Соколовой, в конце войны Дина познакомилась с окончившим военное училище Николаем Юльевичем Введенским. Он влюбился в девушку с первого взгляда, и она вышла за лейтенанта замуж и уехала с ним к месту несения воинской службы в г. Феодосию. Там у них родились дочери Жанна и Люда. В Ростов Дина приезжала не часто, последний раз она была на малой родине в 2006 г.

Благодарю Г. Г. Соколову, любезно предоставившую фотографии из семейного архива и поделившуюся сведениями о Дине Резчиковой – подруге ее матери Нины в юные годы (ил. 3).

Пунктуация и орфография документа приведены к современным нормам, опiski в тексте исправлены без оговорок.

Константин Степанов

1939 г., февраля 15. – Письмо ученицы Ростовской средней школы № 1 Дины Резчиковой на имя Н.К. Крупской с просьбой о помощи в улучшении жилищных условий.

(л. 149) Ростов Ярославский, Пушкинская 27.

Дина Резчикова, уч[еница] 6 кл[асса] «А».

Надежде Константиновне Крупской. Пионерский привет, бабуся Вам, от отличницы учебы Дины.

Дорогая бабушка, я хочу к Вам обратиться с просьбой вот какого характера. Я живу в очень плохих квартирных условиях (выделенное курсивом здесь и далее в документе подчеркнуто синим карандашом. – К. С.). Занимаемая нами комната имеет 18 м в два небольших окна на северную сторону. Стоит обстановка и две кровати, а пройти осталось 4 узких половицы по 2 м длиной. В этой комнате живет семья из 6 человек. Мы, т. е. я, мама и сестра имеем одну кровать. Мне 13 лет, маме 56, сестре 30 лет. Утром встав с постели, чувству(л. 149 об.)ещь во всем теле усталость и разбитость из-за того, что нас на одной кровати спит 3 взрослых человека. Имея радио, я попыталась заниматься утренней гимнастикой, но пришлось бросить, т. к. негде. Если я занимаюсь, то всем мешаю и мешают мне.

Мама-старушка не работает. Папы нет. Сестра работает на Ростовском паточном з[аво]де имени 1 Мая счетоводом. Она подавала заявление директору, прося квартиры, состояла также членом-пайщиком кооперации, но паевой взнос вернули обратно, и мы до сих пор без нормальных квартирных условий. Я отличница учебы (л. 150) вот уже третий год. Два года я кончала учебу с похвальной грамотой, это 4 и 5 класс. В шестом классе моя успеваемость несколько снизилась; я имею за первую четверть 12 отлично и 3 хорошо; за вторую четверть 12 отлично и 3 хорошо. Я являюсь вожатой звена. Членом редколлегии.

Я соревнуюсь в учебе с учеником моего класса, но он сын агронома, хорошо может дома готовить уроки, т. к. у него есть своя комната, а у меня нет даже стола, поэтому

я перед ним пасую. В нашей же комнате живет семья моего старшего брата, она также состоит из (л. 150 об.) 3-х человек, они имеют одну кровать через два шага от нашей. Имея такую тесноту в комнате, я не имею возможности готовить уроки, т. к. это нужно. Если я сяду за стол писать, то меня толкают. Мои книги и учебники лежат в гардеробе, где висит верхняя одежда.

Наша кровать стоит у холодной и сырой стены. Она мокнет, и одеяло постоянно бывает влажное, а стенка зимой покрывается снегом. Ночью плачет ребенок, и вместо отдыха утром встаешь с головной болью и идешь в школу. Придя из школы, часто приходится (л. 151) видеть пьяного брата, который скверно ругается и буянит. Утром вместо того, чтобы заняться уроками, приходится еще нянчиться с ребенком, т. к. мама в это время готовит обед и убирает комнату. Я обращалась с просьбой о помощи в Ц.К. отдела пионеров, но переписка тянется два года, а воз и ныне там. Когда сестра обратилась с просьбой к депутату РСФСР т. Денисовой, то к нам пришла комиссия из горсовета. Она нашла, что наши условия действительно тяжелые, и поставили на очередь на получение жилплощади. Но (л. 151 об.) эта очередь никогда не дойдет, если Вы мне не поможете.

Прошу Вас, дорогая бабушка, помогите Вы мне, чтобы я могла получить квартиру, жить и учиться нормально. Я же, в свою очередь, даю слово пионера не сдавать темпов в учебе пионера-отличника и быть активной в жизни школы, класса и отряда.

15/II-1939 г.
г. Ростов Ярославской области
ул. Пушкинская, д. № 27.

Резчикова Дина.
6 кл[асс] «А» средней школы № 1.
РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 96.
Л. 149–151 об. Подлинник.
Автограф Д. Резчиковой
фиолетовыми чернилами

Вспоминая Елену Владимировну Брюханову

Год назад, 5 июня 2023 г., не стало Елены Владимировны Брюхановой – нашего музейного коллеги, замечательного искусствоведа. Вся ее жизнь – это преданность любимому делу и служение Ростовскому музею. Она была увлеченным и целеустремленным человеком, ее отличали жизнелюбие и оптимизм, активная жизненная позиция и большой профессионализм.

Елена Владимировна родилась в Ростове, и родной город с его богатой историей и архитектурой стал для нее источником любви и вдохновения, стимулом к изучению богатых народных традиций, истории и культуры. Около 40 лет она проработала в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль», а изучению прикладного искусства посвятила без малого всю свою жизнь.

По окончании восьмилетки в 1970 г. поступила на учебу в Загорский художественно-промышленный техникум. После его окончания в 1974 г. по распределению попала на Вологодскую фабрику игрушки, где работала по специальности «художник-конструктор по производству мягко-набивной игрушки». В 1980 г. перешла в Вологодскую картинную галерею, здесь на протяжении пяти лет трудилась экскурсоводом.

В 1985 г. Елена Владимировна вернулась в Ростов и пришла на работу в Ростовский музей, где стала старшим научным сотрудником

Художественного отдела. В 1990 г. окончила факультет теории и истории искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, получив квалификацию «искусствовед». В 1995 г. была назначена заведующей сектором декоративно-прикладного искусства, а в 2001 г., после преобразования сектора в отдел, его возглавила.

В феврале 2022 г., после состоявшихся структурных изменений, была переведена на должность заведующей Художественным отделом и работала в этой должности до последнего дня.

Е.В. Брюханова активно занималась исследовательской, собирательской деятельностью, участвовала в этнографических экспедициях в Ростовском районе, собирала не только предметы старины, но и фольклор: пословицы, поговорки, песни, частушки, а также старинные рецепты, которыми делилась на страницах музейных буклетов. Она вела школьный лек-

Е. В. Брюханова (1955–2023). Фото Людмилы Безруковой

торий, рассказывая детям об истории искусства, прошлом родного края. Постоянно выступала с докладами на конференциях в Ярославле, Москве, Санкт-Петербурге, Вологде, Петрозаводске. И в последний год жизни, уже неизлечимо больная, она бывала с докладами на научных конференциях: в Государственном Русском музее свое выступление посвятила творчеству ростовской художницы А.Н. Колотиловой, а в Петрозаводске доклад искусствоведа назывался «Ростовское кружево, новые факты».

Е.В. Брюханова является автором большого числа научных и популярных статей. Совместно с членом-корреспондентом РАН историком Я.Н. Шаповым подготовила каталог «Ростовские старинные кружевные сколки из собрания Шаповых». На протяжении многих лет готовила к печати книгу «Золото-серебряное кружево XVII–XIX вв. из собрания ГМЗ «Ростовский кремль»», которая, к сожалению, осталась в рукописи.

За годы своей активной творческой деятельности Е.В. Брюханова создала немало интересных выставок и экспозиций, среди которых: «Души моей узор», «Русский быт и русские напитки», «Дерево в русском быту XVI–XX вв.», «Голоса Поднебесной империи» (об изделиях XVII–XXI вв. из Китая и с китайской тематикой из фондов музея), «Городской костюм XIX–XX вв. из собрания ГМЗ «Ростовский кремль»», «Лен мой, лен» и многие другие. Реализовала совместные проекты с Кирилло-Белозерским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником (выставка «Темно-вишневая шаль»), Нижнетагильским музеем изобразительных искусств (выставка «Соната цветов. Тагильский расписной поднос из коллекции Нижнетагильского музея») и другими музеями. Вме-

сте с коллегами из родного музея подготовила концепцию создания Борисоглебского музея «Дом крестьянина Ёлкина».

Талантливая и открытая, Елена Владимировна дружила и общалась с художниками, поэтами, музыкантами Ростова. Сама сочиняла стихи, песни, романсы. Любила неформальные встречи с коллегами и друзьями: обладая приятным голосом, она хорошо пела. Принимала участие в музыкальных программах «Играй, гармонь!» в «Доме крестьянина Ёлкина».

Елена Владимировна Брюханова была чутким, отзывчивым и неравнодушным к чужим проблемам человеком. Всегда протягивала руку помощи нуждающимся в ней, поддерживала не только словом, но и делом. Общение с ней приносило не только позитив, радость и заряд энергии, но и обогащало ценным опытом, которого у Елены Владимировны было много, и которым она щедро делилась со всеми желающими постичь музейное дело, особенно с молодыми коллегами.

Светлая память дорогой Елене Владимировне, которая честно и достойно прожила свою жизнь, оставив нам плоды своих замечательных трудов.

Марина Ходосова,
Татьяна Колбасова